

• Человек смотрит на лицо, а Господь на сердце. Бог глаголет уму наставлениями, а сердцу – вдохновениями.

• Проси у Бога чистоты сердца и прощения грехов, сокрушаясь в покаянии о содеянном и считая себя хуже всех. И придет Сам Господь к тебе, и ты ощутишь такую радость в сердце, а которой не знает мир. Делай по Богу и для Бога, а не для людей, которых люби, но беги. «Взыщите Бога, и жива будет душа ваша». Нужно хранить чистоту совести и стяжать непорочное сердце. А отсюда и дела наши, и поступки должны соответствовать заповедям Христовым, чтоб не сказали о нас: «А еще христианами зовутся, а еще молятся, а что делают?» Нужно чистоту и непорочную совесть хранить, чтобы враг не поживился от нас самым малейшим даже, чтобы совесть не упрекала за жизнь нашу, тогда будет мир и радость на сердце.

• Перед кончиной преподобный Севастиан сказал духовным чадам:

«Вот я всех вас прошу, чтобы вы утешали друг друга, жили в любви и мире, голоса бы никогда друг на друга не повысили. Больше ничего от вас не требую. Это самое главное для спасения. Здесь все временное, непостоянное, чего о нем беспокоится, чего-то для себя добиваться. Все быстро пройдет. Надо думать о вечном».

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕВАСТИАН КАРАГАНДИНСКИЙ

(1884-1966)

Стефан Васильевич Фомин (так звали преподобного Севастиана в миру) родился 28 ноября 1884 года в селе Космодемьянское Орловской губернии в бедной крестьянской семье и рано остался сиротой.

В юные годы Стефан был келейником преподобного Иосифа Оптинского.

9 мая 1911 года отец Иосиф скончался, и в его келию перешел преподобный Нектарий. Стефан остался при нем келейником и стал его духовным сыном. В 1917 году в Оптиной пустыни Стефан принял пострижение в монашество с именем Севастиан. В 1923 году, за два месяца до закрытия монастыря, принял рукоположение в иеродиакона.

В келье со старцем Нектарием отец Севастиан прожил до закрытия монастыря, до весны 1923 года, двенадцать лет. А затем еще пять лет – до 28 апреля 1928 года – они продолжали жить вместе вне монастыря, в селе Холмищи, в пятидесяти верстах от Козельска. Здесь в 1927 году преподобный Севастиан был рукоположен в иеромонаха.

Со старцем Иосифом отец Севастиан прожил пять лет, а со старцем Нектарием – семнадцать лет. Преподобный Нектарий благословил Севастиана после своей смерти уезжать служить на приход. Под руководством двух старцев преподобный Севастиан воспитал в себе кротость, рассудительность, высокий молитвенный настрой, милосердие, сострадание и другие духовные качества.

Неутешно плакал отец Севастиан на похоронах и потом на могиле старца. После похорон он уехал сначала в Козельск, затем в Калугу, а потом в Тамбов. Там он получил назначение на приход в город Козлов, ныне Мичуринск, в Ильинскую церковь, где настоятелем был протоиерей Владимир Нечаев, отец будущего митрополита Волоколамского Питирима. Послужил преподобный Севастиан в городе Козлове пять лет, с 1928 по 1933 год, и пользовался там большой популярностью и любовью.

В 1933 году отец Севастиан был репрессирован, осужден на 10 лет и отправлен в карагандинские лагеря, в Казахстан (о своем пребывании в лагере отец Севастиан вспоминал, что там били, истязали, требовали одного: отрекись от Бога. Он сказал: «никогда». Тогда его отправили в барак к уголовникам. «Там, - сказали, - тебя быстро перевоспитают». Можно представить, что делали урки с человеком пожилым, больным, слабым, священником. Но победили вера и любовь, которые были в сердце батюшки. Он привел к вере в Бога весь барак до одного человека, всех, кто там был. И не просто к вере, а к вере настоящей).

Ближие к нему и преданные ему монахини – матушки Аграфена, Феврония, Екатерина и Варвара – поехали за ним, они устроились на работу в ближайшем селе от того лагерного отделения, где отбывал срок батюшка. Они опекали батюшку все 10 лет его заключения. Часто посещали

возделывал землю, насаждал ниву, обрабатывал ее, полон, поливал, а когда пришел за плодами ничего не обрел. Кое-где колос на ниве, кое-где виноград на лозе. Враги Господа пришли, украли и унесли все. Так вот и человек на ниве души своей должен трудиться не бесполезно, внимать себе, чтобы не пришли враги: мир, диавол, плоть и смерть, и не обокрали ее. Приходит мир – забирает свое, привлекая богатством, роскошью, честолюбием. Приходит диавол, все последнее уносит: чистоту, целомудрие, невинность, страх Божий. Приходит старость и смерть, человек хочет и сам познать что-нибудь на ниве своей и ничего не обретает. Лишь кое-где намерение доброе дело сделать при преховной жизни. И жалеет человек, что прожил жизнь и не приобрел добрых дел для будущей жизни. И смерть пришла, и времени уже нет для покаяния, для слез и молитвы. Особенно опасна нечаянная смерть. А потому не нужно откладывать покаяние и приобретение добрых дел на старость лет, когда уже не будет сил ни телесных, ни душевных. Все врагами будет скрадено, а себе – ничего, пусты светильники.

- Молиться с любовью к Богу и все дела начинать с молитвы. А без молитвы только суетные дела бываю. В молитве просить исполнения воли Божией и Его заповедей, а не того, чего нам хочется. Любить истинно и с верою молиться, и Господь не оставит своею милостию. «На кого воззрю, как не на кроткого и смиренного сердцем» (Ис.66,2). Уничижать себя, сознать свое ничтожество пред Господом, Творцом всех и всего. «Если он меня не любит, то и я не буду его любить», - это бесовское слово. Пусть он тебя не любит, а ты побеждай страсть ненависти.

Одна забота – спасении души. Цель жизни – чистота, конец – Царство небесное!»

- Между нами, монахами и миром огромная пропасть. Миру никогда не понять нашей жизни, а нам – их. Если бы монахи знали заранее, сколько их ждет искушений и скробей на узком, но спасительном пути, то никто не пошел бы в монастырь. А если бы мир знал о будущих благах монашествующих, то все пошли бы в монастырь.

- Дочь Иаира умерла, и Господь воскресил ее. Так человек умирает душой. Помыслы греховные, произволение и совершение греха. Тогда благодать отходит и душа умирает. Вот наше нерадение о душе. Не обращаемся к врачу тогда, когда болезнь только началась и легко исцелима. Не обращаемся и в период болезни. А когда уже умерла дочь (душа), тогда обратились к врачу душ и телес Господу: «Дочь моя умерла». «Не умерла, но спит», сказал Господь.

Надо с юности своей приносить жертву Господу самим собою, когда находишься во цвете лет, здоровья, чистоты, духа бодрого, а не тогда, когда всего этого лишишься, поработав диаволу.

«Работай дондеже есть день (жизнь), говорит Господь, ибо настанет ночь, то есть старость, смерть, и тогда поздно будет. Так юродивые девы не имели елея, потому что была ночь, когда пришел Жених и кушать елея было негде. Они день провели беспечно, нерадиво, и остались их светильники пустыми, и закрылась для них дверь чертога брачного. Так и мы принесем Господу не хромое, не кривое, не слепое, не гнилое, а здоровое, чистое, первородное. Так пророк говорит:

его, носили ему еду, стирали ему бельё, покупали ему всё, что было нужно, потом скопили денег и купили ему домик в Михайловке (район города) на Нижней улице. Туда и привезли в начале 1944 года матушки отца Севастиана. Он ходил по дому, все по-хозяйски осматривал и говорил, что нужно переоборудовать – матушки рассчитывали, что после войны вернуться в Россию, но отец Севастиан сказал, что придется обустроиваться здесь, в Казахстане. С четырьмя монахинями он каждый день служил в этом доме у себя в келии литургию и вечерню.

Когда батюшка обосновался на Михайловке, к нему стали съезжаться монашествующие со всей страны, и не только монашествующие, но и ищущие духовного руководства миряне. Ехали и из европейской части, и из Украины, и из Сибири, из дальних окраин севера и средней Азии. Он всех принимал с любовью и помогал устроиться с жильём. Батюшка помогал всем приезжающим к нему и желающим остаться. Он давал деньги на покупку домика тем, у кого не было или добавлял тем, кому не хватало. Деньги ему со временем возвращали, он отдавал их другим и так далее. Скоро на Михайловке батюшкиных стало очень много, и они всё прибавлялись.

Среди тех, кто приехал к батюшке, была и монахиня Агния – духовная дочь преподобного Варсонофия Оптинского. Она хорошо знала отца Севастиана: видела его каждый год до закрытия Оптинской пустыни. Матушка Агния была иконописцем. Она говорила, что отец Севастиан в молодости был очень красивым, с каким-то особенно светлым лицом, был приветливым, ласковым с посетителями старался для всех все сделать. Старец Варсонофий называл его благодатным. Старец Иосиф очень любил его и говорил о нем: «он нежной души».

Скоро жители Михайловки узнали о нём и стали приглашать его к себе, в свои дома на требы, так как у себя дома он не мог принимать. После дневной трапезы брал батюшка оставленные ему адреса и уходил на требы до самого вечера. Разрешения на требы не было, но батюшка ходил безотказно. Народ в Караганде тогда верным был, «не продадут»; даже дети все знали и соблюдали закон «не скажи».

Так шли годы. Почти все тогда в Михайловке знали и любили батюшку, очень почитали его, верили в силу его молитвы.

Слышали о нем и в других районах люди и стремились его повидать, да и не только люди, но и звери. Когда он, маленький, худенький, шел своей быстрой, легкой походкой по улицам Михайловки, в своем длинном чёрном пальто и черной шапочке, из всех подворотен выполняли собаки, чтобы увидеть батюшку. Они торопились, боясь опоздать, пропустить его. Где щель в подворотне была узкая, и они не могли пролезть в неё то, почуяв батюшку они порывали лапой ямку, чтобы просунуть голову, распластавшись в тонкий блин. Там, где у домов были низкие ограды палисадников, собаки перелетали их, как птицы.

В 1952 году в Михайловке разрешили открыть молитвенный дом. В нем разрешалось выполнять только требы: крестить, венчать, отпевать покойников, собираться читать молитвы, исповедовать. Одна верующая мордовка освободила и подарила преподобному Севастиану свой дом с большим двором. Ещё одна верующая семья освободила неподалеку от дома мордовки свой большой дом для нужд батюшки, тоже с большим двором, а сами они переехали в меньше дом, который купили себе рядом.

198
• Зло находи в себе, а не в других людях или вещах, с которыми ты не сумел правильно обращаться. Так и ребенок обращается с огнем или мечем: себя же жжет, себя же режет.

• В наших грехах и страстях не виноваты ни вино, ни женщины, ни деньги, ни богатство, как иные хотят себя оправдать, а наша неумеренность. Пьяницы винят вино, блудницы или блудники винят мужчин или женщин, сребролюбцы винят деньги, богатые винят богатство и так далее. Выходит, что если бы не было вина, женщин, денег, богатства, то грешники не грешили бы. Богом устроено все премудро и прекрасно. Но от неразумного употребления и пользования вещами получается зло.

• Почему разогнали монастыри? Потому что монахи стали разъезжать на тройках да одеваться в шерстянку. А раньше монахи носили холщевые подрясники и мухояровые рясы, трудились по совести. И те были истинные монахи. Какая-нибудь игуменья из дворян, а не из своих монахинь, быстро загоняла послушниц в Царствие небесное своим бессердечным к ним отношением и жестокостью. Бедные монахини разговлялись капустой, а игуменья, в угоду начальствующим все им отдавала, а своих лишала необходимого.

• Часто преподобный Севастиан повторял слова: «Раб, знавший волю господина своего и не сотворивший ее, бит будет больше, нежели раб, не знавший воли господина своего». А некоторым прямо говорил: «Ведь ты знаешь все и Бога на мир променяла (или променял)». «Мир обещает золото, а дает блато» « Неженатый печется о Боге, а женатый – о жене» « Не связавший себя узами семьи всегда свободен.

пришельцы, гости. А у странников нет покоя в чужой стране, в чужих делах. Они, ступая шаг за шагом, идут вперед и вперед, чтобы скорее достичь родного отчества, то есть дома Божия, Царствия Небесного. А если здесь, в земной юдоли скорбей, в мире удовольствий, замедлить, то вечер (то есть закат дней) незаметно подступит и смерть застанет душу неготовой, без добрых дел, и времени их сотворить уже не будет. Смерть неумолима! Ни один богатч богатством, ни сребролюбец деньгами, ни богатырь силою, ни царь, ни воин не могут откупиться от смерти, и никто из них не может взять с собою ничего, приобретенного ими. Наг человек родился, наг и отходит. Только вера, добрые дела, милостыня идут с ним в будущую жизнь, и никто не поможет: ни друзья, ни родные.

- Пред лицом Божиим ходить, а в сердце Его носить. А Он входит в чистые сердца, не занятые гордостью, блудом, нечистой и другими пороками и грехами. Господи, улови наше сердце и очисти! Господь снизойдет в сердца наши, когда мы откроем Ему туда вход смирением, терпением, чистотой, целомудрием, кротостью, добрыми делами, любовью к ближним, а наипаче к Богу, послушанием, молитвой, воздержанием душевных и телесных чувств, помыслов. Заграждаем невоздержанием, нечистотой чувств, помыслов, нетерпением скорбей и болезней, ропотом, неблагодарностью, воздаянием зла за зло.

- Я тоже вижу за людьми недостатки, но молчу, не обличаю. Лучше молча за людей молиться, чтобы сами свои недостатки осознали, а не обличать, как говорится, с плеча, от чего иные могут духом упасть и в отчаяние прийти.

В доме сняли перегородки между комнатами. Матушка Агния стала писать большие иконы для иконостаса. Теперь могло обращаться к преподобному Севастиану за требами уже гораздо большее число людей. Особенно много было ежедневно крестин. Многие дети уже подросли, всех их вели крестить. Немало было и других треб, а преподобный Севастиан один, помогали ему только монахини. А главное – службы церковные не разрешались и после утомительного дня, после молитв в своей келии, каждую ночь в три часа шел преподобный Севастиан по темным улицам (фонарей было мало) не в молитвенный дом, а в другой – служить литургию.

По праздникам сначала служил всенощную с елеопомазанием, с часу ночи, а после нее сразу литургию. Окна все были плотно завешаны, чтобы свет не пробивался. Внутри же дома – светло, тепло, многолюдно. Светлый любящий батюшка давал кому-нибудь булочку, яблочко или пачку печенья, хотел чем-то утешить, обласкасть, помочь. Кончалась служба до рассвета и шли люди по темным улицам домой, только не группами, а по одному, по два. Так было три года и все было благополучно.

Наконец разрешили открыть в Михайловке церковь. Молитвенный дом перестроили, на крыше поставили голубой купол.

В 1955 году наступил день освящения храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Священников преподобный Севастиан подбирал сам. Сначала приглядывается к кому-нибудь из прихожан, потом позовёт к себе и говорит: «А вам надо быть священником». Так было с Александром Павловичем Кривоносковым, ученым-агрономом, занимавшим хороший пост по агроному хозяйству при облисполкоме. Сам же преподобный Севастиан благословил его за несколько времени до того

взять на себя эту работу. Он испугался. Не хотелось ему менять очень любимую профессию агронома (он окончил московскую Тимирязевскую академию). Пришел он домой, долго думал, не спал и плакал, но послушаться не посмел. Пришел к отцу Севастиану и сказал: «Благословите, батюшка, я согласен». — «Ну, вот и хорошо, пока подучивайтесь, а потом поедете в Алма- Ату принимать посвящение».

Так было и с Серафимом Николаевичем Труфановым, экономистом по специальности, тоже одиноким, как и Александр Павлович, он принял сан давно по желанию своего отца, священника, но не служил, а работал экономистом. Они оба долго служили с отцом Севастианом.

Потом батюшка послал в Алма- Ату для рукоположения бывшего церковного старосту. Отец Павел стал третьим священником, а батюшка был назначен настоятелем храма и был четвертым. Дьяконом тоже был ставленник батюшки — отец Николай Самарцев.

Прослужил отец Севастиан настоятелем храма одиннадцать лет, с 1955 по 1966 год, до дня своей смерти. В 1957 году он был возведен в сан архимандрита, был награжден патриархом Алексием грамотой — «за усердное служение святой церкви». А в конце 1965 года, ко дню именин, был награжден митрой и посохом. Перед смертью, за три дня, отец Севастиан был подстрижен в схиму.

Церковные службы были для него не только долгом, но неотъемлемым условием его внутренней жизни. Он не пропускал ни одной службы, не допускал ни одного пропуска или сокращения, или ускорения. Преодолевая тяжелые болезни, он часто сам служил литургию и выполнял требы. Особенно любил он, по унаследованному монастырскому обычаю, заупокойный службы и ежедневно сам служил

- Самая люгая страсть — блудная. Она может бороться человека на болезненном и даже смертном одре, особенно тех, кто прожил жизнь земную до старости невоздержанно. Эта страсть в костях находится, она бесстыжее всех страстей. Никто сам по себе не может избавиться от нее. Только Господь может избавить, когда обращаешься к Нему со слезами и сокрушенным сердцем. Помнить нужно об этой брани до самой смерти. Стоит только немного забыться, оставить молитву, потерять страх Божий, как она тут же даст о себе знать. Только непрестанная молитва, страх Божий, память смертная, память о суде, аде и рае отгонит ее.

- Тяжело умирать человеку, не имеющему веры, оставляя родных и богатство, а не верующим родным терять близкого человека, в котором полагали все свое земное счастье. Господь посекает их надежду, а они не понимают Божия произволения. Среди верующих родственники хотя и плачут по покойнику, но сдержанно, и скорбят, но умеренно. Все растворено молитвой и надеждой на помощь Божию. Верующий умирает спокойно, как засыпает, и по смерти на лице его запечатлевается последнее целование ангела хранителя.

- До самой смерти бойтесь падений и не надейтесь на свои силы, а только на помощь Божию, призывая Его в молитве со смирением.

- Тогда может быть покой, когда пропоют: «Со святыми упокой». А до этого не ищи покоя до самой смерти. Человек рождается не для покоя, а для того, чтобы потрудиться, потерпеть ради будущей жизни (покая). Здесь мы странники,

• Молодые не должны уделять своей внешности большого внимания. Не надо им слишком за собой следить, не смущая свою душу и совесть, чтобы и для других не быть камнем преткновения. Сам хочешь спастись и другим не мешай. А старенькие должны быть чистыми и опрятными, чтобы ими не гнушались и не отворачивались от них.

• Лучше всего одеваться в синий или серый цвет, скромно. Черное не спасет и красное не погубит.

• Говорите всегда правду и истину и не смейтесь. В смехе и вольности начало блуда.

• Кто любит много говорить, празднословить и шутить, у таковых под конец жизни Господь отнимает речь.

• В утешение старым и больным, скорбящим, что не могут в храм Божий ходить: «Благословляю молиться умом молча: "Господи помилуй!", "Боже, милостив буди мне, грешной". Господь услышит. Терпи болезни без ропота. Болезни очищают душу от грехов».

• Болеть нам необходимо, иначе не спасемся. Болезни – гостинцы с неба.

• Запущенная, загноенная рана, скрываемая как от телесного, так и духовного врача, трудно поддается уврачеванию и исцелению. В самом начале искушения, когда я мог бы помочь, вы скрываете и ничего не говорите мне. А когда залезаете по уши в беду, тогда плачете: «Батюшка, спаси!» А как я могу спасти, когда поздно уже!

панихиды, совершал отпевания до конца жизни. Говорил, что больше любит поминать и отпевать женщин потому, что на женщинах гораздо меньше грехов. Ему были видны все грехи усопшего.

«Золотая середина нужна во всем и умеренность. А в отношении служения Богу и своего спасения постоянство нужно, - говорил он, - оно – главное, а не спешка, не чрезмерность». И опять повторял: «Тише едешь – дальше будешь». Как-то отцу Севастиану сказали об одной женщине, что она стала очень много молиться. Он сказал: «Зачем, не надо, может замолиться». «Господь не попускает страданий сверх наших сил, потому что надо все терпеть,- говорил он, - а вот гордость страшнее всего, она – бесовское свойство».

Особенно он благоговел перед праздниками (и любил иконы к этим праздникам) Пресвятой Троицы и Вознесения, как завершением искупительного дела.

Много положил труда отец Севастиан на воспитание паствы. Говорили, что добрая половина Михайловки, как бы непласный монастырь в миру.

При общении с батюшкой само собой, неоспоримо и даже наглядно ясно становилось без лишних слов, что душа живет вечно, что со смертью наша жизнь не кончается, основная наша сущность не умирает, а только изнашивается наше тело. Что душа не есть что-то неясное, а это – весь человек, истинный, внутренний человек. И было это так просто, так понятно потому, что он говорил об этом просто, как о чём-то обычном, всем давно известным.

Преодолевая болезнь, слабость, старость, отец Севастиан до последнего дня своей жизни выполнял свой пасторский долг, отказавшись от заветного желания своей души отойти от настоятельства на покой и принять схиму.

Все его чада не ступали шагу без его благословения. Батюшка очень огорчался, если кто не слушался и не выполнял его советы, потому что это было всегда во вред, а часто и к несчастью этого человека. Старец в таких случаях часто плакал. Часто он плакал и во время исповеди. Иногда сердился, но редко, всегда как бы желая заставить послушаться. Выходило это у него очень по-детски. Говорил: «Вот я возьму палку и так тебе дам, так тебе дам палкой». Люди часто падали в таких случаях падали на колени и просили прощения, не палка, конечно, была страшна, а то, что так расстроили старца.

Отец Севастиан был вознагражден даром прозорливости. Как-то старец служил панихиду и читал записки с именами усопших. При чтении одной записки остановился, и, держа ее в руке, оглянулся. «Кто это подал поминание: Ивана, Ольги, Семена, Марии?» - «Я, батюшка», - отозвалась одна женщина. «А Семен когда умер?» - «Давно, батюшка» - «Возьмите вашу записку, - сказал батюшка, - я не буду поминать. Принесите справку о его смерти» Женщина вспыхнула. «Что вы, батюшка, я не молоденькая это делать». - «Вот и хорошо, принесите справку!» Оказывается, есть поверье, что если записать имя живого человека в поминании за упокой, он начинает сильно тревожиться, и его тянет вернуться к той, кто его так поминает. Женщины этой преподобный Севастиан не знал, она была приезжая, иначе не рискнула бы обманывать старца.

В 1955 году у матушки Марии стала болеть верхняя губа. Губа деформировалась растущей опухолью, была синяя, неприятная. Её повели к хирургу. Он сказал, что надо срочно оперировать, и дал направление в онкологическое отделение. Пошла матушка брать благословение на операцию, а батюшка сказал: «Опухоль уже большая, губу срежут, а в

не может этого делать. Бывает, лишь перед самою кончиною человек сподобляется причаститься во спасение души.

- Иногда Великим постом кто-нибудь скажет: «Много сегодня причастников было» А преподобный Севастиан ответит: «Причастников много, да причастившихся истинно не много».

- Умеренность, воздержание, рассуждение, своевременность, постепенность полезны всем и во всем.

- Молиться можно на всяком месте, во всякое время: стоя, сидя, лежа, во время работы, в пути. Только разговаривать в храме грешно.

- За несоблюдение без причины постов, придет время - постигнет болезнь. Тогда не по своей воле будешь поститься. Господь попустит за грехи.

- Для искоренения зависти надо смотреть на хуже тебя живущих, тогда мир будет в душе, а не смущение. И завидовать перестанешь.

- «Батюшка, помолитесь, зубы болят», он ответит: «А ты не бранись с ближними, живи мирно и не будут зубы болеть!»

- Равенства ни на небе, ни на земле нет и быть не может. Равенство только во Единой Святой Троице. Архангел Михаил смирением, терпением, мужеством победил денницу. Архангел Гавриил - предвозвестник тайн Божиих и чудес. И все имеют свои обязанности.

избавить от них просящих у Него помощи. И покоя не ищите до самой смерти.

- Когда говорили о видениях, преподобный Севастиан один ответ давал: «А я ничего не вижу!» И приводил слова святых отцов, что не тот выше, что видит ангелов, а тот, кто видит свои грехи.
- Кто не научится слушать родителей, равных и старших тебя, и даже младших, тот, выросши, никого слушать не будет, и его потом никто никогда не послушается.
- Если сам ты не милуешь ближних и, что хуже, не прощаешь, то как у Господа будешь просить себе милостыни и прощения?
- Крестное знамение надо полагать правильно, со страхом Божиим, с верою, а не махать рукой. А потом поклониться, тогда оно имеет силу.
- Заходя в автобус, самолет, легковую машину и т. д., необходимо молча перекреститься, не взирая ни на кого, даже на смех других.
- Кто идёт с самого начала постепенно, не делая скачков с первой ступени через две-три, а постепенно переходя с одной на другую до конца не торопясь, тот спасется.
- Не нужно гордиться тем, что своевременно причащаешься, и не отчаиваться тем, кто по обстоятельствам

другом месте может появиться такое. Нет, не надо делать операции, прикладывайся к иконе Святой Троицы, что в панихидной, Бог даст, так и пройдет». Матушка стала прикладываться к иконе Святой Троицы, и опухоль постепенно уменьшаться стала и совсем пропала.

Отец Севастиан считал, что очень важно прикладываться к иконам и ставить свечи, иногда он звал к себе кого-нибудь из своих духовных детей или прихожан и давал пучок свечей. Иной раз большой, иной раз меньше. И говорил: «Молись и ставь свечи почаще». То ли угрожало что человеку, то ли он видел, что тот редко свечи ставит. Часто потом раскрывалось объяснение этому.

Об иконах преподобный Севастиан говорил с благоговением и любовью. Говорил: «Торжество православия – праздник, что празднуется? Что иконоборческую ересь победили и извергли. На иконах благодать Божия. Они защищают нас от темной силы. Они – помощь нам от Бога. Есть особые святыни, где накапливается благодать Святого Духа. И иконы есть особые во славе благодати, намоленные веками – чудотворные иконы. Иконы, как ручейки, от Господа несут нам благодать. К иконе надо относиться с благоговением, любовью и благодарностью Богу».

Часто отец Севастиан повторял, как неуклонно надо свой долг выполнять. Как-то, после панихиды его духовная дочь сказала: «Вы опять сегодня очень устали, вы так долго служили панихиду» Старец взял с панихидного стола булочку и показал ее, «Вот видите, за каждую булочку я должен отмолиться».

Преподобный Севастиан часто напоминал о смерти, о переходе в вечность. Когда к нему обращались с вопросом: «А как же мы будем жить без вас?» – он строго отвечал: «А кто я? Что? Бог был, есть и будет». Кто имеет веру в Бога, тот

хотя за тысячу километров будет жить от меня и спасется. А кто и пусть даже и тягается за подол моей рясы, а страха Божьего не имеет, не получит спасения. Знающие меня и видевшие меня после моей кончины будут ценить меньше, чем не знавшие и не видевшие» «Близко да склизко, далеко, да глубоко»

Наступил Великий пост – последний в жизни старца. В субботу Страстной седмицы, во время литургии батюшка лежал в своей комнате. После окончания литургии надел мантию, клобук и вышел прощаться с народом. Поздравил всех с наступающим праздником и сказал: « Ухожу от вас. Ухожу из земной жизни. Пришло мое время расстаться с вами. Я обещал проститься и вот, исполняю свое обещание. Прошу вас всех об одном: живите в мире. Мир и любовь- это самое главное. Если будете иметь это между собою, то всегда будете иметь в душе радость. Мы сейчас ожидаем наступление светлой заутрени, наступление праздника Пасхи - спасение души для вечной радости. А как можно достичь ее? Только миром, любовью, искренней сердечной молитвой. Ничем не спасешься, что снаружи тебя, а только тем, чего достигнешь внутри души своей и в сердце - мирную тишину и любовь. Чтобы взгляд ваш никогда ни на кого не был косым. Прямо смотрите, с готовностью на всякий добрый ответ, на добрый поступок. Последней просьбой прошу вас об этом. И еще прошу – простите меня». Поклонился в пояс, пошатнулся. Тихо, еле-еле зашел в алтарь и сказал, что бы несли его домой в келию. Народ не расхохлился, все плакали.

В субботу 16 апреля, в 9 часов утра, приехал из аэропорта митрополит Питирим. Сразу прошел к отцу Севастиану и был поражен его видом. «Таким я его никогда, ни при какой болезни не видел», - сказал он потом окружающим. Они долго беседовали наедине.

После обеда состояние батюшки резко ухудшилось, он попросил срочно пригласить к нему владыку Питирима. Пришел владыка. Батюшка просил его сейчас же приступить к чину пострижения в схиму. Начались приготовления. Владыка попросил всех уйти, одна матушка Анастасия помогала при постриге.

После пострига батюшка говорил очень мало. Удивительно преобразилось его лицо и весь его вид. Он был преисполнен такой благодати, что при взгляде на него трепетала душа и остро ощущалась собственная греховность. Это был величественный старец и уже не здешнего мира житель.

Умер преподобный Севастиан 19 апреля в 4 часа 45 минут. Был вторник. Радоница.

ДУХОВНЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ

- Нужно придерживаться золотой середины, края же губительны. Золотая середина во всем земном, а наипаче небесном, духовном. Кто быстро вперед забегает, того надо остановить. А кто по нерадению или немощи слишком отстает и не заботится о душевном спасении, тому помочь воспрянуть ото сна, идти наравне со средними, вперед не забегать и сзади не отставать.

- В деле своего спасения не забывайте прибегать к помощи святых Отцов и святых мучеников. Их молитвами Господь избавляет от страстей. Но никто не думайте своими силами избавиться от них. Не надейтесь на себя до самой смерти в борьбе со страстями. Только один Господь силен